Сергей Капков: Нашим городам нужно вернуть очарование

В бытность директором департамента культуры Москвы Сергей Капков серьезно повлиял на появление нового качества городской среды в Москве. Сегодня он руководит «Центром урбанистики» в МГУ им. М.В. Ломоносова при экономическом факультете, который активно работает с городами в российских регионах. Сергей Капков рассказал Центру социального проектирования «Платформа» (как участнику деятельности Экспертного совета по малым территориям) о движущих силах развития, запросе жителей на изменения и лучших стратегиях местных властей в малых и средних городах России.

Местный уклад как преимущество малых городов

Тема малых территорий стала модной пару лет назад. В начале 2018 года на Форум малых городов и исторических поселений, проходивший в подмосковной Коломне, приезжал президент. Сам этот факт поднял на федеральный уровень вопрос потенциала малых территорий. На сегодняшний день у этого направления уже появился свой лоббист-тяжеловес. Это Марат Шакирзянович Хуснуллин, вице-премьер, который курирует и строительство, и региональную политику в правительстве, и конкурс по благоустройству малых городов. Теперь он отвечает за их транспортную доступность, да и просто за возможность комфортно там жить.

Если жителям малых городов будет нравиться там жить, туда поедут и туристы. Поэтому главное, что нужно сделать для

экономического и туристического развития малых городов — это обеспечить базовые условия для местных жителей, сделать так, чтобы их проживание там было комфортным.

> *В Европе туристы едут посетить и столицу, и маленькие деревушки с их особым очарованием. Это очарование рождается в тактильном ощущении жизни, возможности почувствовать местный уклад. Именно это нужно вернуть нашим городам. Тогда многие люди поедут туда, чтобы просто им насладиться, поедут туда жить ради этого.*

Однако, никакой реальной привлекательности не возникнет, если всё будет сделано прекрасно, но городские сервисы будут недостаточно развиты: медицина, образование, культурная программа. Это будет просто дорогое гетто.

Люди, живут ли они в столице, мегаполисе, малом городе или поселении, требуют одного и того же: создания комфортной среды. Запрос местных жителей не зависит от размера города, везде речь идет о качестве общественных пространств и повседневных маршрутов. Казалось бы, решить данные запросы не всегда возможно из-да дефицита ресурсов. И это отчасти правда, но стоит признать, что благоустройство в малом городе будет стоить гораздо дешевле. Переосмыслить центр среднего российского города населением тысяч пятьдесят, включая фасады, вывески — может стоить от 600 миллионов до миллиарда рублей.

Если в благоустройстве ставить в центр внимания интересы людей, то подход к изменениям среды по многим параметрам окажется сходным что для москвичей, что для жителей малого города. И сложности в обсуждениях будут похожими — что с москвичами, что с жителями шеститысячного Дивеево. Логика понятна, люди хотят, чтобы было просто хорошо жить там, где они живут. А их представление о том, что хорошо, может отличаться от представлений проектировщиков, и здесь главное — найти баланс между всеми участниками процесса.

Фрагментированность городского общества

Найти баланс – это главное в урбанистике. Баланс между людьми старшего поколения и молодежью, между автомобилистами и пешеходами, между группами с различными культурными привычками или доходами. Любой город – это сообщество разных. И, соответственно, надо слышать разных. Мы привыкли понимать социальные группы так: пенсионеры, школьники, студенты. А понимаем ли мы социальную группу собачников? Их в Москве два с половиной миллиона. И у них тоже есть требования к городу: нужно убирать за животными, делать собачьи площадки, поддерживать ветеринарную службу и программу «отношений» с бездомными животными.

> *Когда начинаешь заниматься благоустройством, сталкиваешься с тем, что есть много жителей из разных социальных групп, данными о которых социология не располагает. Общество фрагментируется, становится более сложным, и классическое деление по полу, возрасту, образованию явно не попадает в сетку современной стратификации. Мы сразу в это упираемся при проектировании.*

Например, есть сообщество мам с колясками. Вообще не существенно, какой у них доход и за сколько они купили коляску. Им просто важно, чтобы с ней было удобно ездить по тротуару, чтобы были съезды. Причём эти съезды должны быть одновременно комфортными и для людей на роликах, на велосипедах, для людей с ограниченными возможностями. Все эти факторы необходимо учитывать, чтобы среда была комфортной не абстрактно, а для конкретного горожанина, со своим привычками и особенностями. Поэтому нужен баланс, баланс, и еще раз баланс.

Жители – субъект развития малой

территории

Обеспечение благоустройства ресурсами – это, в первую очередь, вопрос не одного сильного инвестора, а, скорее, внутреннего интересанта, драйвера процесса. Если существует запрос жителей на благоустройство, то появляются и инвесторы.

В Первоуральске, стотысячном промышленном городе, именно запрос населения стал первоначальной движущей силой. Первоуральск – город, который находится на расстоянии тридцати минут от столицы региона, Екатеринбурга, там несколько крупных предприятий, местные жители получают стабильный доход, и у них есть соответствующие требования к своему городу. В итоге там всё довольно неплохо, но этот пример не показателен, поскольку таких городов (с сильным внутренних ресурсом) у нас, к сожалению, не очень много. Их счёт идёт на десятки.

Там, где нет крупных стабильных предприятий, для развития нужен либо государственный бюджет, либо сильный туристический потенциал. В этом случае вся логика должна работать на то, чтобы было комфортно не только жителям, но и приезжающим людям. Но и туристы не должны восприниматься как внешняя и навязчивая среда, которая ничего не дает городу. В Дивеево, куда ежегодно приезжают более 300 тысяч паломников (а паломники тоже являются туристами) поклониться мощам, живет всего несколько тысяч человек. И не каждым местным жителем воспринимается нормально тот факт, что к ним приезжает так много людей.

Или город Плёс, там тоже живет несколько тысяч жителей. Но только в летний туристический сезон на прогулочных кораблях его посещают больше 300 тысяч человек. Это огромный экономический потенциал, его можно и нужно использовать. Да, в несезон Плёс пустеет, когда уезжают купившие там квартиры москвичи. Но таков наш российский уклад, связанный с климатическими условиями. У нас летом движения намного больше, чем зимой, в любом городе, даже в Москве. А в малых городах так всегда и жили: огород, урожай, запасы – зимуем. Я к этому

очень спокойно отношусь.

Необходимость поиска активных людей

Работая в любом городе, надо не только найти движущую силу развития, но и понять ее формат. Многие малые города, в виду миграционных процессов, обладают меньшим ресурсом, и экономика у них функционирует по-другому. И это будет один формат: тихое место. Если у города есть культурный потенциал или активное население, как в Плёсе, то формат совсем другой, но надо найти конкретных людей для его реализации. Эта задача решаема в любой точке, пассионарии есть везде. Только у нас в России, может быть из-за климата, очень часто они бездействуют. Можно сказать, не активированы.

Чтобы ситуация в малых городах менялась к лучшему, нужно находить этих потенциально активных людей, формировать сильные местные сообщества, которые в дальнейшем будут служить городским ресурсом. Сами собой, без внешней поддержки, они появляются в одном городе из десяти, в лучшем случае. Это не минус, а просто данность.

> *Без сильного сообщества нельзя развить территорию. А, если его на этой территории нет, это просто означает, что сообщество нужно создать.*

Делаем ли мы где-то исторический центр или православный туристический маршрут — вокруг него начинает формироваться социальная среда. В Москве есть сообщество любителей Парка Горького, есть сообщества вокруг парка Сокольники, ВДНХ. Такое же сообщество есть в Первоуральске. В Плёсе сильное внешнее сообщество, которое туда приехало, можно называть их «дачниками».

Количество активных людей гораздо больше, чем может показаться. Когда ты начинаешь что-то делать, то находишь и союзников, и противников. Просто надо начинать делать. Нет никакой проблемы, если точкой сборки станет внешняя сила.

Конечно, на старте она способна вызвать подозрение, отторжение. Но как только внешняя команда создаст рамки проекта, сами местные жители начнут его развивать. Понятно, что нельзя людей сверху осчастливить. Поэтому мы используем такой термин, как «соучаствующее проектирование» — когда ты спрашиваешь жителей, чего бы они хотели, обсуждаешь, в правильном ли направлении двигаешься, становишься для них партнером.

Вовлечение сообществ в развитие малых территорий

У человека, если он достаточно хорошо воспитан, всегда есть стремление к созиданию. Созидание — это, в том числе, просто посадить что-то, вывезти мусор. В Москве вы заходите в какие-нибудь старые дворики, а там бабушка с первого этажа разбила клумбу или даже огород. Её же никто из мэрии не заставлял это делать. Можно совместной работой, через вовлечение жителей немало сделать. В Татарстане в этом смысле молодцы. Они создают программу работы с местными сообществами, насыщают её деньгами, участвуют в российских и международных конкурсах, привлекают предпринимателей. Нанизывают на эту программу огромное количество интересантов, и потом она живёт уже сама по себе. Например, они говорят: наша задача — посадить в Казани миллион деревьев. И это очень дорогая программа, не на один год. Но они декларируют и начинают делать. А дальше тоже самое начинают делать местные компании, предприятия. В рамках субботника, в рамках семейного торжества люди сажают деревья — так всё и нарастает.

Жителей надо вовлечь, они должны стать союзниками для урбанистов и местных властей. И это не вопрос благоустроенной территории, это вопрос, чтобы благоустроенная территория потом наполнилась людьми. Чтобы был вклад в экономику и развитие региона.

Самостоятельные власти и локальные архитектурные школы

Найти таких союзников – это, возможно, лучшая стратегия, которую стоит выбрать мэру малого города, не имеющего сильного внутреннего ресурса развития или бюджета. Урбанистика – это не замена асфальта на плитку, это смена управленческих решений и изменение приоритетов. Но здесь также очень важна самостоятельность местных властей, потому что есть большая проблема их зависимости от девелопмента. Это, в конечном счёте, объясняет, почему у нас целый ряд потенциально замечательных городов выглядит непрезентабельно. Без пешеходных зон, без красивых набережных, хотя всё это раньше там было, причем даже не в советский период появилось, а в дореволюционный.

Местный девелопмент зачастую связан с большим руководителем региона, необязательно с губернатором. Как правило, главный архитектор региона, города либо находится в сложных взаимоотношениях с местным строительным лобби, либо имеет перед ним какие-то обязательства. Он не самостоятелен, не способен отстаивать интересы жителей. Можно посмотреть статистику за последний год: сколько главных архитекторов городов задержаны за взятки от девелоперов. И это при том, что гигантская проблема региональных властей – низкое качество архитектурной школы. Я уже три года вхожу в жюри конкурса проектов Минстроя и являюсь его федеральным экспертом. У регионов есть отличные проекты по качеству проработки, но чтобы такого качества добиться, должна быть своя местная архитектурная школа – молодые, хорошо образованные ребята. Их задача – изменить привычную картинку и повседневный маршрут жителей. Если показать людям хорошее, они потом от него не откажутся, оно станет их обыденностью. Поэтому важно задать планку.

Центр города как исходная точка проектирования

Всегда всё начинается с центральных пространств. Центр задаёт уровень качества и уровень комфорта, и в стародавние времена так было: Красная площадь, Кремль и от них все остальное. Последнее благоустройство в Москве так же начиналось — с Парка Горького. Эта позиция правильная, когда выбираются центральные площадки, а остальные шаг за шагом подстраиваются.

Москва, как столица, как крупный и богатый регион, задаёт тренд, который сразу охватывает и Московскую область. Например, в Министерстве благоустройства ведут плодотворную работу, уже используя московские практики, но со своими местными приоритетами.

> *Понятно, что Москва тратит огромные деньги на благоустройство. Программа многомиллиардная, потому что такой город. У малых городов должна быть программа миллионная. Главное — система, и пять лет не сбиваться с курса.*

За пять лет будет результат. Сейчас есть интересные практики благоустройства, помимо Татарстана, в Уфе, Тобольске, Калининграде. Санкт-Петербург начал свою программу, что радует, потому что он очень отстал в этом направлении. Есть еще масса локальных примеров: город Геленджик на черноморском побережье, город Когалым в ХМАО, Торжок в Тверской области, Иваново, Саратов.

Все эти города очень разные, и по масштабу, и по географии, а объединяет их одно: там неравнодушные руководители. Они используют основной принцип урбанистики: благоустройство для людей и совместно с людьми. А есть города, где просто на 400 квадратных метрах асфальт или плитку положили, а потом смотрят, как люди будут этим пользоваться. Потому что были какие-то виртуальные общественные слушания, а не реальный разговор с населением. Городской конфликт — это всегда вопрос

диалога и коммуникации с обществом.

Принцип Большого театра

Проблема коммуникационной стратегии возникает и в позиционировании городов. Коломна или Суздаль правильно позиционируются. Но, например, люди за пределами московского региона просто не знают о существовании Нового Иерусалима, города Зарайска. Большинство территорий, связанных с историей России, просто недооценены. Недооценены малые города, окружающие Москву, недооценены территориальные бренды. Это вопрос именно неправильной коммуникации, а не благоустройства. Есть такой принцип «освещённых улиц», или Большого театра, в котором бывает всего за год двести-триста тысяч человек, больше зал не позволяет, но все знают, что Большой театр — гордость страны. И московский регион, от Москвы до Нижнего Новгорода, и ещё дальше от Москвы — это всё история России. Там есть малые города старше Москвы. Может, и Москву нужно позиционировать не саму по себе, а как агломерацию с другими территориями, удлиняя туристические маршруты, встраивая людей в эти потоки, Москва плюс Зарайск, к примеру. На пространстве двух-трёх часов езды от Москвы пересекаются рынки труда, активности, логистики, но при этом оно разрезано на десять регионов. Хотя тот же Плёс — часть этой московской метрополии в широком смысле. Речь не о том, чтобы выпрашивать деньги у мэрии на развитие этих территорий. Москва сама по себе — огромный рынок сбыта всего, от продуктов сельскохозяйственного производства до индустрии впечатлений. Она служит колоссальным ресурсом для окружающих регионов. В Москве 1 млн 200 тысяч школьников. Сделать интересную программу, например, в Ростове Великом — и туда уже будут ездить десятки тысяч школьников в год.

Межрегиональные административные связи

В Москву люди приезжают на работу из соседних городов, и они многое видят, сравнивают. И их родные города тоже меняются.

Какая Тула стала красивой, это факт! Калуга меняется, отдельная программа благоустройства есть в Московской области. При этом, если трудовые ресурсы перетекают в Москву из близлежащих регионов, есть и обратный процесс: около двух миллионов человек из этой метрополии выезжают в другие города на выходные или длинные праздники, например, посмотреть Ярославль или отдохнуть в Туле. Это формирует свой отдельный большой регион перекрестных связей и взаимной миграции. Такие же процессы происходят и в других агломерациях, например, в Санкт-Петербурге или Екатеринбурге. Там уже выстраиваются внутренние кластеры, не замкнутые на Москву, в которую уже не едут, а перемещаются по горизонтальным траекториям. Такие бизнес-связи мы действительно видим, а на административном уровне связей нет. Но я как раз думаю, что административное звено можно собрать, если делать сквозные проекты федерального уровня, восстанавливать «Золотое кольцо», исторические места. Это восемь областей, это крупные туристические маршруты, в которые вкладывались и продолжают вкладывать деньги. И сейчас нам надо объединять проекты развития малых городов в единые федеральные программы. Программы, связывающие территории неким каркасом. Например, Плёс мог бы попасть в «города вдоль Волги», с акцентом на создание комфортных прогулочных набережных. В то же время, у нас есть порядка 16 городов с прекрасными набережными черноморского побережья от Крыма до Краснодарского края. Должна быть единая стратегия для таких территорий.

Траектории развития

Необходимо культурное программирование летнего и зимнего сезонов. Люди просто так не поедут куда-то умиляться, если это не природные красоты. Для всего нужен диалог. И, самое главное, не обманывать людей, то есть сразу говорить: у нас бедно, но чисто. И тогда найдутся люди, которые скажут: «Зато у вас отличные сборы грибов!»

Известно, что часть жителей мегаполисов мечтают переселиться

в глубинку. На волне деурбанизации малые города могут выступать местом концентрации человеческого капитала. Так будет в течение ближайшего десятилетия. Сейчас у людей есть возможность работать, не приходя на работу.

Я думаю, что Москва будет разрастаться в регионы. Хотя бы за счёт московских пенсионеров, у которых неплохая пенсия и работающие дети в Москве. Для них главное, чтобы была высококачественная, такая же как в Москве, медицина. В этом случае большое количество москвичей старшего возраста, а также мамы с детьми, готовы были бы жить вне Москвы.

Для властей очень важен выбор задаваемой траектории. Траектории могут быть разными. От городов пенсионеров до научных центров, таких как Дубна, которая вполне может быть нашей «Силиконовой долиной». У малых городов может возникать специализация. Возьмём города вокруг Москвы. Города с высококачественными больницами полюбят московские пенсионеры, и там должен быть низкий уровень преступности, комфортная среда. А какой-нибудь город — научный центр Дубна может стать точкой притяжения для молодых, подвижных. Таких зарубежных примеров я знаю десятки. Есть целые города с высочайшим инженерным потенциалом, потому что там находится ремонтная база военной техники. И там работают инженеры с жёнами, детьми. В Америке это город Литтл-Рок с огромными аэродромами, где ремонтируют все военные самолёты Соединенных Штатов. Там две составляющие: база технического обслуживания военной авиации и огромный медицинский центр с госпиталями, университетом. Там работают двести тысяч молодых, до 45 лет, высокообразованных, с высоким доходом людей. В этом городе совершенно особая атмосфера. Севастополь когда-то таким был: красивые офицеры с кортиками, их жёны, дети. Одесса такая была. И такие города у нас должны и будут появляться.